

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ГЕОГРАФИИ И ГЕОЭКОЛОГИИ

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
И ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА**

**Сборник научных статей
по материалам отчетных
научно-практических конференций
2006 – 2007 гг.**

*Под редакцией Н.В. Каледина,
В.В. Дмитриева, Т.А. Алиева*

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В РАЙОНАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

1. Роль биоресурсов в традиционном природопользовании и самообеспечении коренного населения Севера.

При разработке стратегии экологически сбалансированного использования ресурсов дикой природы на Севере нельзя отрывать друг от друга решение экологических и этнических проблем.

Традиционное природопользование коренных северных народов — это исторически сложившееся и, как правило, экологически сбалансированное использование биологических ресурсов дикой природы тундры, тайги и прибрежных акваторий арктических морей. Оно носит комплексный характер и включает, в различных сочетаниях: северное оленеводство, охотничий промысел, морской зверобойный промысел, промысловое рыболовство, сбор дикорастущих полезных растений, а также изготовление различных традиционных изделий.

К биологическим ресурсам Крайнего Севера обычно относят те виды ресурсов дикой (не окультуренной человеком) природы, которые традиционно используются в хозяйстве местным населением северных территорий. Это — ценные виды пушных зверей (соболь, песец, ондатра, белка, горностай и др.), дикие копытные (лось, дикий северный олень и др.), птицы семейства тетеревиных (так называемая боровая дичь), промысловые рыбы внутренних водоемов, пищевые дикорастущие растения (грибы, ягоды, кедровый орех и др.), а также пастбища (кормовые растения) северных оленей. Кроме этого, на Севере существует и много других объектов живой природы, которые могут быть использованы для спортивно-любительской охоты, рыболовства, коллекционирования, экологического туризма и др., уже вне сферы традиционного природопользования.

Использование северными народами биологических ресурсов может быть источником денежного дохода, но в основе своей ориентировано не на максимальную прибыль, а на личное и семейное потребление,

базируется на традиционных ценностях, специальных навыках и комплексном знании местной природной среды и на распределении конечной продукции через традиционные системы обмена, т. е. среди обширной группы родственников и друзей. Эти особенности позволяют считать его экологической основой жизнеобеспечения и устойчивого развития северных народов.

Учитывая важнейшую роль, которую играет традиционное биоресурсопользование в жизни коренных этносов, нужно признать, что достижение паритета в вопросе управления ресурсами оленеводческо-промыслового хозяйства означает для них основу этнической автономии.

Биологические ресурсы Севера могут использоваться в разных целях: для жизнеобеспечения коренного населения, для получения товарной продукции, а также в рекреационных, культурных и научных целях. При этом возникает целый ряд противоречий, например:

- между объемом использования и воспроизводством ресурсов;
- между коренным и некоренным местным населением, а также между местными жителями и населением других регионов;
- и, в рамках самого традиционного хозяйства, между традиционными способами использования ресурсов и новациями.

Управление ресурсами должно примирять эти противоречия, уравновешивая интересы государства, коренных северных народов и некоренного населения Севера. Соответственно, возникает вопрос о принципах и методах этого управления. Исходя из опыта разных стран, можно выделить три альтернативных подхода к управлению биоресурсами в районах проживания народов Севера. Первый предполагает получение максимального экономического эффекта при сохранении устойчивости экосистем. Второй основан на принципе минимального вмешательства в природу («зеленые»). Третий отдает приоритет коренным народам. С точки зрения его сторонников северные народы должны сами решать все вопросы природопользования на своих землях. На практике ни один из этих подходов не реализуется в чистом виде.

В зарубежных северных странах тому, чтобы примирить противоречия между сторонниками указанных подходов и направить действия государственных служб и организаций коренного населения в одно русло уделяется большое внимание. Реальные успехи были достигнуты на почве сотрудничества, которое получило название «совместного управ-

ления ресурсами дикой природы» (wildlife co-management), когда работа государственных служб сочетается с деятельностью национальных организаций коренного населения. И те, и другие заинтересованы в сохранении и преумножении природных ресурсов, но ищут для этого различные пути.

В России такой постановки проблемы пока еще нет, а как показывает опыт стран, где проблемы совместного управления биологическими ресурсами коренными народами и государством в значительной степени уже решены, путь к этому решению был постепенным и состоял из ряда последовательных этапов. Так, R.K. Bell (1994) [1], на примере канадского Севера, выделяет в этом процессе несколько уровней или этапов.

Первый соответствует положению, когда все существенные вопросы управления ресурсами решаются государственными органами (что отражает реалии северной Канады несколько десятилетий назад и современное положение в России). Последний уровень — совместное управление ресурсами специальным кооперативным органом — можно рассматривать как конечную цель.

2. Необходимость синтеза традиционных и научных знаний при управлении биологическими ресурсами.

Для управления биологическими ресурсами в системе ко-менеджмента основополагающее значение имеют *традиционные экологические знания*, сокращенно — ТЭЗ (эквивалент английского термина «traditional ecological knowledge — ТЕК» [2]). Этот термин применяют для обозначения знаний об окружающей среде, проистекающих из опыта традиционного природопользования определенной группы коренного населения, или — в более широком смысле — всех жителей данного региона, чьи образ жизни и практическая деятельность тесно связаны с использованием ресурсов живой природы. ТЭЗ не включают знания коренных жителей, полученные в результате специального образования или путем самообразования (из книг, газет, телепередач и др.).

Как было отмечено Всемирной конференцией «Наука – 21 веку», состоявшейся в Будапеште в 1999 году, знания традиционных обществ представляют собой огромную ценность. Они не только содержат информацию неизвестную современной науке, но и выражают альтернативные

способы восприятия окружающего мира, другие отношения между человеком и природой. Необходимо защитить эту разнообразную и хрупкую часть мирового культурного наследия от процессов глобализации знания, от доминирования единственной точки зрения на окружающий мир, которая поддерживается современной наукой. Тесная связь науки с другими системами знания должна принести обоюдную пользу [3].

Для ТЭЗ в большей степени характерны качественные оценки, фиксация трендов, вариаций, экстремальных и необычных событий, а также условий в которых произошло то или иное событие, чем, количественные оценки, измерения или определение средних значений каких-либо экологических параметров, на которых основана большая часть научных подходов¹. Коренные жители имеют возможность наблюдать за многими природными явлениями гораздо чаще, в течение более длительных периодов времени и в большем количестве мест, чем это могут делать ученые, время и место полевых работ которых обычно весьма ограничено. В этом отношении ТЭЗ и научные методы экологических наблюдений хорошо дополняют друг друга.

Можно выделить следующие основные категории ТЭЗ:

- Фактические знания о природной среде. Сюда входят, во-первых, эмпирические наблюдения отдельных людей (охотников, рыбаков или оленеводов и др.) — конкретные факты из жизни природы, для каждого из которых может быть указано место и время. Во-вторых, сделанные этими людьми обобщения собственных наблюдений за определенными временными промежутками.
- Знания о природопользовании (охоте, рыболовстве и др.) местах, сроках, способах и количестве используемых ресурсов в настоящее время или в прошлом.
- Ценностные ориентации и моральные императивы, регулирующие экологическое поведение коренного населения данного региона.
- Космологические представления о природе и месте в ней человека, возникшие, как правило, на традиционной мифологической основе.

¹ Опыт традиционного природопользования определенной группы коренного населения, также как и традиционные экологические знания (ТЭЗ), могут и должны учитываться в современных социально-эколого-экономических моделях регионального развития (прим. редакторов)

ТЭЗ могут использоваться не только в ко-менеджменте. Они представляют и самостоятельную ценность для разработки новых концептуальных подходов к устойчивому развитию. Кроме того, они незаменимы при оценке воздействий на окружающую среду, так как люди, выживание которых зависит от местных условий, могут определить действительную цену потерь или выгод от реализации какого-либо проекта лучше, чем приезжие специалисты.

С точки зрения коренных жителей утрата одного из основных природных ресурсов, как правило, не измеряется только в экономических терминах. С ней связаны также потери традиционных методов природопользования, традиционных знаний, определенных форм кооперации между членами общины. Нередко такие потери ставят под угрозу целостность общины, или же нарушают символическую реинтерпретацию ее связей с кормящим ландшафтом. Так, по данным французских исследователей [4], основанных на свидетельствах одной из общин индейцев Кри в северном Квебеке, культурное измерение ценности биоразнообразия, утраченного в результате строительства там крупной гидроэлектростанции, кроме прямых потерь, выразившихся в уменьшении рыбных запасов и загрязнении водоемов, состояло еще в следующем:

- часть рыбных ресурсов перестала быть доступной для Кри, т. к. были нарушены места, наиболее удобные для традиционного рыболовства;
- социальные связи в общине, в связи с утратой наиболее продуктивных мест рыбалки, которые были одновременно местами встречи, дележа полученного улова, ценностей, и совместной деятельности ее членов, значительно ослабели;
- произошла потеря традиционных знаний, составлявших существенную часть культурного наследия;
- были утрачены также символические отношения Кри, основанные на близости между людьми и животными.

Взгляд на природопользование северных этносов в аспекте культуры, показывает, что ТЭЗ представляет собой нечто гораздо большее, чем книга рецептов, регулирующих отношения человека с его природным окружением. Способ которым, мы концептуализируем природу, и пути, которыми мы управляем своими отношениями с миром природы, обнаруживают большую часть проблемы «кто мы есть». Традиционное

природопользование действительно выражает экологическую культуру традиционного общества, отличную от «западной» и позволяющую строить стратегии устойчивого развития, исходя из другого культурного контекста, нежели это делает «западная» экология [5].

Таким образом мы можем понять, как происходит управление биологическими ресурсами в природопользовании коренных северных народов, исходя не только из отдельных элементов ТЭЗ и системы хозяйства, но также из социальной организации этноса и его этнической картины мира.

Эта точка зрения прямо противоположна имевшим до недавнего времени широкое распространение взглядам на традиционные формы природопользования как на отсталые, а на ТЭЗ как на «примитивную» экологию.

Понимание традиционного природопользования, исходя из контекста различных культурных традиций, сложная задача, требующая объединения усилий экологов и гуманитариев. Изучение культурного контекста традиционного природопользования северных народов показывает, что управление биологическими ресурсами в нем, в отличие от «западных» моделей природопользования, не принадлежит исключительно к сфере научной мысли и практики. Это часть интегрального целого, объединяющего способы познания, восприятия окружающего мира и образа жизни. Представления о том, как устроен мир, формируют отношения коренных народов с их природной средой и сами формируются на основе этих отношений. Система связей этноса и ландшафта в большей степени продукт культуры, а не просто отдельных наблюдений за природной средой. Сочетая символические и эмпирические знания каждый из коренных северных народов вырабатывает свое уникальное представление о природе, которое, оставаясь частью его традиционной культуры, входит и в систему его природопользования.

Способы изучения и организации ТЭЗ достаточно полно разработаны и апробированы зарубежными специалистами, накопившими в этом вопросе значительный опыт. Они отмечают, в частности, что необходимо четко различать:

- фактические ТЭЗ, основанные на непосредственных наблюдениях, которые могут быть проверены;

- выводы или гипотезы, которые могут быть доказаны или отвергнуты в процессе исследования;

- ценностные ориентации и нормативные экологические установки, которые необходимо учитывать при управлении ресурсами, оценке наносимого общинам ущерба и в других случаях.

Чтобы ТЭЗ не выглядели как случайное нагромождение противоречивых и принципиально непроверяемых фактов, субъективных суждений и некорректных выводов (какими их нередко считают специалисты-экологи), они должны быть правильно зафиксированы, соответствующим образом протестированы и представлены в удобной для понимания и привычной для ученых форме.

3. Стратегия вовлечения коренного населения Севера в управление биоресурсами и охрану биоразнообразия.

Традиционность хозяйства коренных северных народов (будь то рыболовство, охотничий промысел или домашнее оленеводство), подразумевает использование накопленного данным этносом исторического опыта не только в материальной культуре и технологии (способах добычи, приемах выпаса и др.), но и в управлении ресурсами. Как показал зарубежный и отечественный опыт, на практике государства стремятся установить за традиционным природопользованием контроль, привести его в соответствие со своими идеалами. Хозяйства коренного населения стихийно противятся этому, пытаются сохранить свои традиционные формы.

Государственный подход базируется на законах, формальных правилах и инструкциях, принятых управленческими структурами различных уровней. Его информационное обеспечение так же связано с формализованными каналами сбора, накопления и интерпретации данных, не всегда адекватных действительному положению вещей. Система управления имеет иерархическую структуру и действует на основе бюрократических методов. При этом различные виды ресурсов одного и того же природного комплекса (промысловые рыбы, охотничьи животные, оленьи пастбища, леса и др.) находятся в ведении различных управленческих структур.

Традиционный подход отличается отсутствием бюрократизма, упрощенной иерархией, использованием неписаных правил, социальных

норм и религиозных запретов. Знания накапливаются и обобщаются непосредственно в ходе использования ресурсов, процессы управления и использования ресурсы не отделены друг от друга.

При этом ни традиционная, ни государственная система в отдельности не может эффективно защищать биоразнообразие. Государственные службы не имеют достаточного влияния на пользователей ресурсами из числа коренных жителей. Коренные жители не могут получить гарантированный доступ к ресурсам без соответствующих санкций государственных служб. От объединения усилий этих систем выигрывают обе стороны [6].

Основой для интеграции двух подходов является их общая цель. Различия заключаются не только в технологических приемах, но прежде всего в общем стиле решения проблем, в разных ценностных ориентациях. Построенные на противоположенных и взаимодополняющих принципах они могут успешно сочетаться, значительно повышая устойчивость системы природопользования в целом.

Широко известен опыт применения таких подходов за рубежом – на Аляске и на Севере Канады – при управлении ресурсами китообразных и промысловых рыб и популяциями карибу [7, 8]. В Канаде режимы совместного управления возобновимыми природными ресурсами с участием коренного населения создавались для различных целей и при разнообразных обстоятельствах и к настоящему времени установлены по всей территории страны. Все они, за исключением двух случаев (договора, заключенного в 1975 г. по заливу Джеймс Бей и Соглашения по Северному Квебеку), действуют не более 10–15 лет однако за это время уже успели показать свою эффективность. В Скандинавских странах на сходных принципах построена система управления домашним оленеводством саамов, хотя сам термин «ко-менеджмент» там не используется [9].

В России последовательного использования такого подхода еще не было, что связано с общим низким уровнем самоорганизации коренного населения и консервативностью природоохранных государственных служб.

В последние годы инициативы по формированию системы ко-менеджмента появились на восточной Чукотке. Там, в рамках совместных Российско-Американских проектов, организован мониторинг

популяций морских млекопитающих, который ведут наблюдатели из коренного населения приморских поселков — морские охотники эскимосы и чукчи. Данные мониторинга передаются в международные комиссии и используются для обоснования квот на добычу серого и гренландского китов и моржей коренным населением Чукотского полуострова. Это уже дало существенные практические результаты. Благодаря проведенным за последние годы наблюдениям, квоты для коренного населения были значительно увеличены.

4. Перспективы разработки методов ко-менеджмента биоресурсами в современных условиях российского Севера.

Ко-менеджмент представляет собой систему мер, выработанных в результате соглашения между имеющими соответствующие полномочия правительственными агентствами и представителями различных групп пользователей биоресурсами, включая, в данном случае, в первую очередь коренные северные народы. Основная идея ко-менеджмента заключается в интеграции двух подходов к управлению ресурсами: «западного», основанного на государственном управлении и научном знании и аборигенного, традиционного.

Оценивая возможности ко-менеджмента в северных регионах России, нужно учитывать, что традиционные установки, которые ограничивали нагрузку на природу в прошлом и были основаны на единстве хозяйственной и культурной жизни коренных народов, сейчас во многих местах ослабели или вообще перестали действовать. Тем не менее полностью заменить их государственным регулированием — значит лишить традиционное природопользование возможности развиваться, адаптируясь к современным условиям. Разумное разграничение ролей и сфер деятельности при управления биологическими ресурсами в районах проживания коренных народов необходимо везде. С этой целью надо законодательно разделить компетенции государства и самостоятельных органов, представляющих интересы коренного населения в сфере природопользования. Должен быть выделен некоторый круг проблем (например, вопросы управления местными биоресурсами), в который государственные службы уже не вмешиваются, и где все вопросы решаются коренным населением.

В России формирование систем ко-менеджмента для основных видов биологических ресурсов (включая охотничьих животных, промысловых рыб, морских млекопитающих и оленьи пастбища) может быть начато в рамках специальных научно-исследовательских проектов, в которых коренные жители могут совместно с учеными участвовать в разработке рекомендаций государственным органам, ответственным за управление отдельными видами биоресурсов. Конкретный механизм взаимодействия между коренным населением и государственными органами зависит от вида ресурсов и условий каждого северного региона.

Литература

1. Bell R.K. 1994. Indigenous Knowledges, Sustainable Development and Cooperative Management (The FJMC Experience). Arctic Environment. Report on The Seminar On Integration of Indigenous Peoples Knowledge. Reykyavik, 1994.
2. Райгородецкий, Г. Традиционное экологическое знание и «западная» наука: интегративный подход для решения проблемы глобального кризиса окружающей среды // Живая Арктика, 2000, № 1(13). С.23–28.
3. Science for the Twenty-First Century. A New Commitment. World Conference on Science, Budapest, 1999. Principal Documents. Paris, UNESCO, 2000. 47 p.
4. Roue, M., Nakasima, D. Pour qui preserver la biodiversite? // Journ. d'Agric. Trad. et de Bota. Appl., nouvelle serie, 1994, Vol. XXXVI (2). P. 211–235.
5. Nakasima, D. Conceptualizing nature: the cultural context of resource management // Nature & Resources. 1998 – Vol. 34 – No 2.
6. Osherenko G. Sharing power with native users: co-management regimes for Arctic wildlife // Canadian Arctic Resources Committee Policy Paper № 5, 1988, pp. 1–44.
7. Freeman M.M.R., Carbyn L.N. (eds). Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication No 23. Edmonton, 1988. 125 p.; Pinkerton, E. (ed.). Co-Operative Management of Local Fisheries. New Di-

rections for Improved Management and Community Development. Vancouver, 1989.

8. Cizek, Petr. The Beverly – Kaminuriak Caribou Management Board. A Case Study of Aboriginal Participation in Resource Management. Canadian Arctic Resources Committee background papers No 1, Ottawa, 1990. 30 p. и др.

9. Bjorklund, I. Sami Reindeer Pastoralism as an Indigenous Resource Management System in Northern Norway. In: Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication N° 23, Edmonton, 1988, p. 105–124.

О.В. Петина

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Объектом исследования этнографии и этнической географии является этническая общность с ареалом ее расселения. Если рассматривать этносы в качестве субъектов сетевых процессов [1], конечная цель которых вовсе не обязательно ясна наблюдателю, то важно отслеживать действия исследуемого объекта — те трансформации, которые он, как субъект процесса, вносит в окружающую действительность. Совокупность этих трансформаций выражается в изменении этнической структуры населения районов, регионов и страны в целом. Использование по отношению к населению словосочетания «этническая структура», а не «национальный состав» представляется принципиальным моментом. Когда говорят о составе, подразумевают преимущественно механическое соединение в один объект различных по своим характеристикам частей. Употребление понятия «структура» предполагает наличие «устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т. е. сохранение основных свойств при различных внутренних и внешних изменениях», поскольку «структура выражает лишь то, что остается устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы» [2–4].

Состояние этнической структуры населения какой-либо территории можно характеризовать через ее положение в многомерной системе координат $f(x_1, \dots, x_n)$, где n — число этносов, проживающих здесь, а x_1, \dots, x_n — их доли в составе населения. Чем больше расстояние между двумя последовательными положениями f_{n-1} и f_n тем существеннее изменилась этническая структура соответствующего региона. Такой подход позволяет говорить о скорости изменения этнической структуры населения исследуемой территории и находить те этносы, которые оказывают наиболее существенное влияние на изменение региональной этнической структуры.

Основными моментами наблюдения, фиксирующими национальный состав населения страны и ее регионов, являются общегосударственные переписи населения. Достоинства и недостатки получаемых в